

В девяностые годы государственные издательства в штормовом океане свободного рынка пошли на дно, как эсминцы, натыкающиеся на вражеские мины. Хорошо организованные предприятия, приносившие стабильный доход государству и после прибыльности водочной промышленности занимавшие второе место, не только решали, как тогда говорили, народно-хозяйственные задачи, но и формировали культурное пространство страны, выпуская книги высокого качества. Возникшие на их руинах ЧП, ТОО, ООО, ЗАО или иные издательские сообщества не смогли заменить их, так как был разрушен складывавшийся десятилетиями институт литературных и художественных редакторов, корректоров и других издательских работников. Рухнула система книгоиздания.

Появлялись новые серьёзные частные издатели и в Сибири, Геннадий Сапронов в Иркутске, Аркадий Елфимов в Тобольске, и, по сути, продолжавшие традиции, державшиеся не только на таланте и организаторских способностях издателя, но и на авторах, таких как Распутин, Астафьев и другие. Таких издательств по стране, думаю, наберётся немного. Сохранились редко где и государственные издательства, к примеру, в Волгограде было такое, живо ли?

В основном подготовкой книг к изданию сегодня занимаются небольшие коллективы при мини-типографиях, когда и уровень авторов, и уровень предпечатной подготовки не всегда соответствуют средней норме, высокое качество печати не может скрыть убогости и непрофессионализма организаторов этого процесса.

Листаю несколько дней назад присланную мне налогонным платежом книгу: Валентин Распутин (Достояние России). — Красноярск: Изд-во «Буква Статейнова», 2018. — 192 с.

Жанр не обозначен, аннотация отсутствует, но, судя по мелованной бумаге и цветным фотографиям, можно догадаться, что это альбом. Деление на разделы «Юность», «Начало творчества» «Творчество» не оправдано, потому что никакой хронологии нет, во всех разделах помещены фотографии различных периодов жизни. На второй странице много знакомых фамилий, обнаруживаю и свою, хотя никаких фотографий своих этому издательству не предлагал и согласия быть членом авторского коллектива не изъявлял, но указан в его составе.

Известно, что самые досадные, обидные и смешные опечатки — те, которые искажают смысл, а есть и попроще, когда чуждые буквы оказываются в неположенном строю. В данном издании и тех и других, и прочих ошибок, искажений оказалось предостаточно. Александр Сергеевич Пушкин, правда, относился к некоторым из них простительно:

Без грамматической ошибки

Я русской речи не люблю...

Дохожу до стр.17, на фотографии В.Г. Распутин и подпись: «С журналистом Павлом Кошкиным. Иркутск, 2012 год». Журналист запечатлён в профиль, узнать сразу не могу. Знаю одно, журналиста Кошкина в нашем городе нет. А вот спортивную сумку, я её сразу узнал, видел и не раз на плече... Павла Кушкина, спортивного обозревателя.

Стр. 39. Под фотографией дома, в котором Распутин прожил половину своей не короткой жизни, подпись: «Дом, где последние годы жил Валентин Распутин». Если сорок лет последние, то, сколько же, по мнению авторов альбома, должно быть предшествующих?

А дальше начинается задача со многими неизвестными. Рассмотрим выборочно несколько страниц. Стр. 177. На черно-белом фото беседуют четверо мужчин, один из них В.Г. Распутин. Подпись: «В Тобольске с Ивашковским». Ну хорошо, остальные, кроме Ивашковского, создателей типографического шедевра не интересуют, но кто такой Ивашковский, где он в этой загадочной компании? В конце концов, у Ивашковского должно быть имя, отчество. Профессия, наконец. Это Пушкина мы можем называть одной фамилией, он один. А здесь?

Понятно, что редактор — составитель данного издания, он же председатель редакционной коллегии, он же автор вступления и заключения, он же глава авторского коллектива — может и не знать в этой компании никого, но тогда надо сказать, что лица, изображенные рядом с Валентином Григорьевичем Распутиным, не известны. Или: «предположительно на данной фотографии...» и т. д. И вариантов быть может много, но они должны быть конкретными. В данном случае и Салтыкова-Щедрина нетрудно увидеть рядом с Ивашковским.

Ещё фото. Мужчина — безымянный, и женщина с раскрытой книгой в руках, тоже безымянная. «Библиотека имени Горького. У стеллажа с книгами В.Г. Распутина». Очередная неточность. Смотрю на корешки: Ян Скрыган, выше — Константин Симонов, ещё выше — Севела, а слева правда есть и Распутин. Но других-то авторов во много раз больше.

Откройте любое солидное иллюстрированное издание времён Российской или советской империй, и вы увидите, что существовало простое правило: под фотографией обязательно должно быть указано время, место и имена всех, кто изображён на фотографии. А если это архитектурный объект, то и его наименование.

Невозможно перечислить недочёты и несуразности, хотя как мы видим, бумага всё терпит, даже мелованная, но на стр. 110 остановлюсь, уж больно выразительный пример.

Две чёрно-белых фотографии, расположенные одна под другой. На верхней — В.Г. Распутин с писателем Кимом Николаевичем Балковым. Подпись гласит: «С бурятским писателем Кимом Балковым». Ким Николаевич действительно долгие годы прожил в Бурятии, но он русский писатель и пишет исключительно на русском языке и сам себя считает русским, а если в нём течёт бурятская кровь, то в ком её нет из длительно живущих в Сибири поколений. У меня прабабка бурятка, и что, называйте меня бурятским писателем? У Распутина, по его свидетельству, текла и тунгусская кровь, давайте его причислим к тунгусским писателям.

Под нижней фотографией подпись: «Иркутские и бурятские писатели» и никаких фамилий, уточнений. Для начала замечу, что иркутянин не национальность. Есть понятие смысловых рядов, где признаки изображаемых предметов, людей, животных и т. д. схожи по основным параметрам. Жаль, что читатель не может

увидеть эту фотографию, он бы визуально убедился, что на ней нет ни одного «брацковатого» лица, как говорят в Сибири. Разочарую и Статейнова: Анатолий Петрович, нет на этой фотографии ни бурятских, ни иркутских писателей, не считая конечно Валентина Григорьевича. Но если определять по месту жительства (половину года он жил в Иркутске, половину — в Москве), то его можно назвать и московским. Но прежде всего он русский писатель.

На этой фотографии запечатлён приём губернатором Иркутской области Борисом Александровичем Говориным в октябре 2002 года участников Дней русской духовности и культуры «Сияние России»: Валентина Распутина, поэта Николая Рачкова (г. Тосно), профессора Санкт-Петербургского педагогического университета, руководителя Всероссийского движения «Современная русская школа» Ивана Гончарова, писателя Юрия Лощица (Москва), слева от губернатора знаменитый Леонид Харитонов (Москва) — советский и российский оперный певец (баритональный бас), народный артист РСФСР. Сидят: психолог и публицист по проблемам детства Татьяна Шишова (Москва), литературный критик Капитолина Кокшенёва (Москва) и др. Все русские.

Четверть века проходят в Иркутске Дни русской духовности и культуры «Сияние России, организатором, душой и светочем которых был и навсегда останется Валентин Григорьевич Распутин. А идея праздника принадлежит русскому певцу из Австралии Александру Васильевичу Шахматову, который в 90-е годы вернулся в Россию и много поспособствовал возрождению русской культуры. Ни под одной из фотографий, отражающих события Дней русской духовности и культуры не указано полное название, под некоторыми стоит: «Сияние России» в кавычках, что может указывать на противоположный смысл, а под одной «Сияние России – 13». Только в полном названии этого праздника отражается его подвижническая суть и возвышенный смысл.

Подпись ещё под одной фотографией: «Открытие посмертной выставки «Ближний свет издалека» в ИОКМ». Можно подумать, что речь идёт о каком-то живописце, на самом деле это открытие в музее экспозиции, посвящённой памяти В.Г. Распутина

«Чудеса» происходят и на других страницах. На стр. 103 в разделе «Творчество» на фоне деревенских изб группа более десяти человек, никто не назван, догадывайся, читатель, кто на ней изображён. Подпись гласит: «Музей Тальцы на Байкале». (Согласно правилам музей «Тальцы» пишется в кавычках). Но такого музея на берегу священного моря нет, на фотографии изображён этнографический музей, который расположен в 47 километрах от Иркутска на берегу реки Ангары, а не на Байкале.

А если рассмотреть две фотографии и подписи к ним (стр. 126), по общей несуразности, что ли, помещённые в разделе «Творчество», то путаница только усугубится. А подпись под обеими фотографиями одна и та же, хотя объекты, изображённые на ней, — разные: «Сияние России». Кругобайкальская железная дорога, музей Тальцы». Получается, то ли музей находится на железной дороге, то ли железная дорога проходит через музей. Но ни то ни другое не является фактом.

Кругобайкальская, её ещё называют Кругоморской, дорога идёт вдоль Байкала, а «Тальцы» находятся в нескольких десятках километров севернее железной дороги, да ещё отделены от неё рекой Ангарой. Вот такая получается рубрика «Творчество», что-то из области передвижения предметов в пространстве при помощи ловкости рук. И никакого, как говорят в народе, «мошательства».

Но не только в несоответствии изображений и подписей преуспели изготовители книги, но и в незнании распутинских произведений и некоторых исторических фактов, связанных с Иркутской писательской организацией.

В своём «Заклучении» А. Статейнов размышляет о повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» и допускает грубейшее искажение: «Тамара Ивановна Воротникова вынуждена взять в руки отцовский обрез и застрелить насильника несовершеннолетней дочери». Вот так легко и просто.

Что такое обрез? Огнестрельное оружие с отпиленным (укороченным) стволом. Для того, чтобы пронести его тайно. Интересно, что в словаре великого В.И. Даля этого слова нет, значит, обрез в обиходе появился позднее, я думаю, на стыке первых русских революций и Гражданской войны. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой (1982 г.) — винтовка с отпиленным концом ствола. *Мужики опять как при германцах в прошлом году пилят винтовки на обрезы и ждут Красную Армию.* А.Н. Толстой. «Хмурое утро».

Спрашивается, зачем лесничему Ивану Савельевичу обрез, когда для охотных и охранных дел у него было два ружья, одно из которых он и подарил Анатолию, мужу Тамары Ивановны. И она сама сделала обрез, отпилив ствол ночью на своей кухоньке, и обрезок оставила здесь же, чтобы вопросов не было у следователей, она не собиралась скрывать своё преступление.

В другом месте Статейнов пишет: «В августе 1961 года В.Г. Распутин увольняется из газеты «Советская молодёжь» и становится редактором литературно-драматических передач Иркутской студии телевидения. Проработал он здесь меньше года и был уволен за передачу о писателе П. Петрове. Валентин Григорьевич пострадал за попытку публичной реабилитации писателя, возглавлявшего Иркутскую писательскую организацию в тридцатые годы». Всё здесь близко к факту, кроме того, что Пётр Поликарпович Петров никогда не возглавлял Иркутскую писательскую организацию. «В 1933 г. ответственным секретарем Иркутского отделения Союза советских писателей был избран И.И. Молчанов-Сибирский и руководил Иркутской писательской организацией до 1958 г.». Так в Ирикепедии. На самом деле И.И. Молчанов-Сибирский руководил с небольшими перерывами — во время войны были отв. секретарями А. Кузнецова, Мстиславский, до и после кто-то ещё. Подробнее см.: Иркутск. Бег времени. Автографы писателей. Кн. 2: Проза (2012).

Гневно клеймит Статейнов политиков: «Многие, очень многие тогда не разобрались в пустышках Горбачёве и Яковлеве, да ещё их друге — подлеце Шеварнадзе. Он один принёс столько урону России — считать — не пересчитать». «Гайдар стрелял хакасов — как семечки щёлкал. С улыбкой и удовольствием». Какой Гайдар не уточняется. Ну, да ладно, обоим поделом.

Но в запальчивости и уважаемым Распутиным выдающимся учёным Дмитрию Сергеевичу Лихачеву и Алексею Павловичу Окладникову выносится приговор: «Валентин Григорьевич был членом редакционной коллегии этой серии (Литературные памятники Сибири. Прим. В.К.). Полагаю нелегко ему там жилось. Ведь в редколлегию входили такие люди, как ненавистник России академик Лихачев и историк академик Окладников».

Пишущие люди часто бывают чрезмерно азартны и амбициозны. Я не собираюсь спорить со Статейновым, который преуспел по части учёности и дремучей древности. Изумителен по бездоказательности следующий пассаж: «Эвенки, доведу до сведения не знающих, это чжурчжени, или скифы, которые примерно

четыре тысячи лет царствовали на всей территории нынешнего Китая. *Они пожелтели и из двух метров роста стали всего в сто сорок сантиметров сразу после Чингисхана*» (выделено мной. — В.К.).

Просто потрясающее открытие! Эвенки — это чжурчжени, чжурчжени — это скифы. Допустим. Но возникают вопросы: почему они пожелтели, может, случилась эпидемия гепатита или желтухи, по народному наименованию? Вопрос второй, повлияла ли желтизна на такое кардинальное уменьшение роста или для этого были другие причины? Вопрос третий. Если это случилось «сразу после Чингисхана», может ли являться причиной всенародное потрясение от кончины императора?

В Иркутской области в Качугском районе до сей поры живут эвенки, ещё их называют тунгусами, я встречался с ними, и скажу, что это люди обычного, как и все мы, роста, приспособленные к тяжёлым условиям таёжной жизни, хорошие охотники. А вот ста сорока сантиметровых карликов среди них не встречал.

Одной из главных целей публицистики Распутина последних лет Статейнов считает: *«Это попытка не просто спасти природу, а остановить превращение в скотину русского человека»* (выделено мной. — В.К.). Даже с большой долей домысла невозможно найти что-нибудь подобное в публицистике Валентина Григорьевича. Да и редкие ненавистники России доходили до таких выводов. Я не считаю, что Статейнов так думает, скорее всего, это получилось от неумения выразиться, когда эмоции берут верх над здравомыслием.

Статейнов пишет: *«Мы хотели сделать фотоальбом о Валентине Григорьевиче года за три до его смерти. Но он был категорически против. Мол, вот умру, тогда делайте, что хотите»* (выделено мной. — В.К.). Собрать материалы после его смерти оказалось делом сложным. Вроде его друзья, фотографы, которые за счёт Распутина ездили с ним в командировки, заломили такие цены за фото — машина дешевле. Пришлось всё время оглядываться, чтобы даже случайно не пролетело их фото, фотоальбом от этого заметно обеднел». С последней фразой не поспоришь.

Зная Валентина Григорьевича, общаясь с ним долгие годы, никогда не поверю, чтобы он случайным людям, да и вообще мог сказать «делайте, что хотите». Он был мудрым, глубоким, ответственным перед жизнью и словом человеком. Придуманная для оправдания фраза эта имеет смысл такой же как: после меня хоть потоп. А это не о Распутине. Но сделали, действительно, что хотели.

Ощущается искусственная «подгонка под объём». Можно было поставить меньше фотографий, но продумать их расположение, разделы, выбрать какой-то ход, подписи под фотографиями наполнить содержанием, поместить тексты, достойные высокого имени.

Надо ли было наращивать объём пустым содержанием? Получается, что почти три десятка фотографий посвящены, по сути, одной поездке по Красноярскому краю, на всех без исключения рядом с Распутиным одно и то же лицо. Такое же количество фотографий, прислано из Иркутска, видимо, одним корреспондентом, потому что он и слева и справа, и за спиной Распутина, и глядя на него, и глядя в сторону, и чуть отстав, и чуть забежав вперёд, и сидя на корточках в центре. Содержание альбома оценивается по тому, что в нём представлено, какую новую информацию найдёт в нём читатель, а все недочёты, ошибки, искажения, дезинформация и проч., всё это остаётся на совести издателей.

Читатель уже устал, наверное, от критики и начинает подумывать, неужели в таком большом альбоме нет ничего положительного? Есть, конечно, не может

не быть, потому что альбом посвящён В.Г. Распутину. Замечательна и насыщена общественным и уже историческим смыслом, событиями и людьми подборка чёрно-белых фотографий Анатолия Пантелеева, которого Савва Ямщиков назвал «фотописцем русской культуры», хотя о его авторстве приходится только догадываться, но я знаю и основательность, и точность Анатолия Викторовича Пантелеева, и его поистине братское бережение памяти о Валентине Григорьевиче. Я знаю многие его фотографии по его «Русскому альбому» и различным публикациям в книгах и журналах, — это хроника русского национального движения, одним из вдохновителей и главных участников которого в середине XX — начале XXI века был Валентин Распутин.

Можно отметить конкретность воспоминаний Олега Пашенко и Валерия Хайрюзова.

При тщательном отборе и персонификации портретов мог бы получиться альбом достойный памяти Валентина Григорьевича. А подобное издание мог осуществить любой случайный человек, не представляющий всей сложности издательского дела. Но для какой цели? Заработать на великом имени? В этом нет ничего криминального, если дело сделано ответственно и добротнo.

Обычно в аннотации пишется, кому адресована книга, скажем детям, студентам или широкому кругу читателей. Я думаю, для этого издания подойдёт следующая: книга рассчитана на очень узкий круг читателей, которые не думая проглатывают то, что им заготовит издатель.

Автор проекта ругает Интернет, а напрасно, это инструмент и, как всякий инструмент, скажем топор, может использоваться и для тесания брёвен при строительстве храма, и для колки дров, и, как пишут в протоколах, «для нанесения телесных повреждений». Составитель альбома должен молиться на Интернет, как древние молились на идолов, потому что как раз скоростной Интернет и помог осуществить это скоропалительное издание.

Именем Распутина делались многие и многие добрые дела, но, как оказалось, не избежит его светлое имя и спекуляций. Меня удивляет и огорчает, после того как я ознакомился с содержанием, что альбом открывает вступительное слово Иркутского губернатора Сергея Георгиевича Левченко. Он был знаком с Валентином Григорьевичем, знает и любит его творчество, многое делает для сохранения памяти о знаменитом нашем земляке.

Но вот что странно, все мы знаем, как сегодня у нас в стране непросто попасть на приём к губернатору, а простому человеку это почти невозможно. Но, возникает вопрос, как, мало кому известному в Иркутске издателю из Красноярска, который был знаком с Распутиным, как он сам признаётся, «заочно», удалось заполучить статью губернатора к изданию, на мой взгляд, не достойному памяти нашего знаменитого земляка? Но это, как говорится, вопрос риторический, мы на него не ответим, хотя каждый может иметь свои предположения.